

Лана Эмбер
СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

ЯГА
3

КАК ЯГА СО ВРЕМЕНЕМ ВОЕВАЛА

ЛАНА ЭМБЕР

КАК ЯГА СО

ВРЕМЕНЕМ ВОЕВАЛА

«Автор»

2026

ЭМБЕР Л.

**КАК ЯГА СО ВРЕМЕНЕМ ВОЕВАЛА / Л. ЭМБЕР — «Автор»,
2026**

Книга третья из серии Яга/ сказки для взрослых. Яга наконец вернулась домой и собиралась пожить спокойно. Но у Кощея Бессмертного на этот счёт оказались совершенно другие планы. Пока Яга с подругами готовится к праздникам, борется с лишними килограммами и решает привычные сказочные проблемы, Кощей пытается справиться с одной неожиданной неприятностью: женщиной, которую невозможно ни забыть, ни заполучить. В ход идут древняя магия, современные технологии и эксперименты, последствия которых оказываются куда серьёзнее, чем предполагалось. А когда само время начинает вести себя не по правилам, Яге и её подругам приходится отправиться туда, где прошлое не желает становиться прошлым, а будущее может вообще не наступить. Впереди — опасное путешествие, неожиданные союзы, старые чувства и открытия, к которым никто не был готов. Но можно ли победить время? И что делать, если главная битва разворачивается вовсе не с ним?

© ЭМБЕР Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Прелести	6
Глава 2. Одно яблоко	9
Глава 3. Главный приз	13
Глава 4. Новая версия	16
Глава 5. Помолвки	21
Глава 6. КОЩЕПИК	24
Глава 7. Катастрофа века	29
Глава 8. А моя...	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

КАК ЯГА СО ВРЕМЕНЕМ ВОЕВАЛА

Глава

Глава 1. Прелести

Кошей скучал.

Нет, «скучал» — слово было неподходящее. Слишком человеческое, слишком простое и, что особенно раздражало, предполагало наличие внутри чего-то такого, чем обычно и скучают. Сердца, например. С сердцем у Кошей вопрос был решён давно и окончательно. Поэтому он не скучал. Он томился. Это звучало значительно лучше. Томление можно было объяснить нарушением привычного энергетического фона, последствиями длительного присутствия постоянного магического объекта, сезонными колебаниями силы, наконец. Томление было состоянием, скука — чувством, а чувствами Кошей не страдал. Он повторял это себе уже почти месяц. Не помогало.

Дом после отъезда Яги сделался неприлично большим. Раньше Кошей вполне устраивали длинные коридоры, высокие потолки и лестницы, по которым можно было идти минут пять и ни разу не встретить живого существа, — именно для этого они и строились. Теперь тишина раздражала. В гостиной по вечерам пустовало кресло у окна. Яга любила сидеть там с книгой, поджав под себя ногу, хотя Кошей дважды объяснял ей, что обивку заказывали у мастера, умершего триста лет назад, и обращаться с ней следует бережно. На третий вечер Яга поставила кружку кофе прямо на подлокотник. На четвёртый положила ноги на столик. На пятый Кошей перестал делать замечания.

Сейчас он остановился возле кресла и зачем-то провёл пальцами по спинке, а потом посмотрел на собственную руку так, словно поймал её за чем-то постыдным. На диване лежала подушка. Кошей наклонился к ней и замер: запах почти исчез. Вот это уже было плохо.

— Нелепость, — сказал он.

Дом промолчал. Кошей взял подушку, собираясь унести её подальше, передумал, положил обратно, поправил угол, отступил на шаг — и вернул её точно так, как она лежала при Яге. Только после этого он заметил, чем занимается, и немедленно перевернул подушку другим боком.

Всё началось почти сразу после её отъезда. Сначала Яга ему снилась, и это Кошей ещё мог объяснить: остаточные впечатления, магический след. Потом он стал вспоминать её днём, без всякого повода. Вот здесь она спорила с ним, вот здесь смеялась, а вот эту вазу назвала «пылесборником с претензией». На лестнице однажды остановилась посреди пролёта и минут десять доказывала, что в нормальном доме кухня должна быть ближе к спальням, потому что человеку ночью может захотеться есть. Кошей ответил, что нормальный человек ночью спит. Яга посмотрела на него и сказала, что поэтому он ничего о нормальных людях и не знает. Теперь он почему-то помнил даже это.

Через неделю Кошей был вынужден признать наличие проблемы, ещё через несколько дней — определить её масштаб. Масштаб был оскорбительным: он действительно скучал по Яге.

Весь следующий день Кошей провёл в лаборатории, доказывая себе обратное. Он раскладывал собственное состояние на составляющие с методичностью патологоанатома: раздражение, привычка, незавершённость, уязвлённое самолюбие, энергетическая зависимость, половая привлекательность объекта, сопротивление объекта, особая ценность объекта вследствие невозможности полного обладания. Последний пункт ему понравился. Он записал его, перечитал, зачеркнул слово «объекта» — и через минуту вписал обратно.

К вечеру всё встало на свои места. Конечно же, ему нужна была не Яга, а её энергия. Энергия у Яги и правда была особенная — густая, тёплая, сладковатая. Она заполняла пространство вокруг и оставалась после её ухода, как запах дорогих духов.

Кощей даже вспомнил одного Парфюмера, с которым пересекался лет двести назад: тот умел вытягивать из живых существ самую суть запаха и запирать её в крошечных флаконах. Мысль оказалась неожиданно приятной.

Маленький тёмный пузырьрёк. Утро. Кофе. Одна капля. Нет, две. Так было гораздо логичнее: просто редкий энергетический состав и почти научный интерес. Наутро, совершенно успокоившись, Кощей пошёл завтракать. Через десять минут он обнаружил, что налил две чашки кофе. Вторую пришлось вылить.

Зеркало висело в малой библиотеке, где почти никто не бывал. На первый взгляд обычное: старинное серебро рамы, тёмное стекло, потёртости по краям. Если смотреть в него достаточно долго, собственное отражение начинало казаться немного моложе, немного красивее и значительно умнее. Кощей считал это хорошим зеркалом. Теперь оно служило другой цели.

Перед отъездом Яги он предусмотрительно подарил ей новый телефон — дорогой, с прекрасной камерой и таким количеством функций, что первые два дня Яга только звонила с него Кикиморе и фотографировала Избушку. Доступ Кощей оставил себе. На всякий случай. Яга поверила, что подарок был просто подарком. Глупышка. Он провёл ладонью по раме. Серебро едва заметно потеплело, поверхность дрогнула, и вместо высокого мужчины с раздражённым лицом появилось осеннее утро. Белолесье.

Яга сидела на ступеньках Избушки в тёплой кофте, волосы собраны кое-как, без всякого уважения к причёске, одна прядь падает на щёку. Телефон лежал рядом на ступеньке. Этого зеркалу было достаточно: дальше оно видело само. Яга держала большую кружку и смотрела куда-то в сад.

Кощей придвинул кресло, сел, через минуту встал — сидеть оказалось неудобно — и подошёл ближе. Яга отпила кофе. Кощей тоже взял со стола свою чашку. Яга посмотрела вправо, и он машинально посмотрел туда же, будто мог заглянуть за край рамы. Вдруг она нахмурилась и повернула голову. Несколько секунд Яга смотрела прямо в его сторону — не на телефон, а именно туда, откуда смотрел он. Ощущение было настолько неприятно точным, что Кощей невольно отступил. Потом она пожала плечами и снова занялась кофе. Кощей усмехнулся. Не почувствовала. Не могла. И всё же к зеркалу он вернулся только через несколько минут.

Больше всего его раздражало даже не то, что он за ней следит, а то, что она там совершенно спокойна. Сидит на своём крыльце, пьёт свой кофе, смотрит на свой заросший сад. Живёт. Будто не было Буяна, его дома, его подарков, его самого. Будто Кощей Бессмертный оказался всего лишь одним из мест, куда Яга когда-то съездила и откуда вернулась домой. Он выключил зеркало. Потом включил снова. Яга всё ещё пила кофе.

— Бастион, — тихо сказал Кощей.

Вот что она такое. Он привык получать то, что хотел. Иногда на это уходил день, иногда год, иногда столетие, но бессмертие сильно упрощает вопросы терпения. Вещи сопротивлялись хуже людей, люди — хуже государств, государства — хуже богов, и всё же в конце концов всё оказывалось там, где ему положено. У Кощей. Кроме Яги. Он резко погасил зеркало и вышел из библиотеки. Ему требовалось напомнить себе кое-что важное.

Вход в нижние помещения находился за стеной оружейной. Обычный человек прошёл бы мимо, маг увидел бы защиту, а очень хороший маг понял бы, что защит семь. После седьмой двери начинались «Прелести». Название Кощей придумал сам и находил удачным. Коллекцией это назвать было нельзя: коллекционеры собирают вещи по какому-то признаку, а у Кощей признак был только один. Он хотел это получить — и получил. Метод всегда находился: купить, выменять, отнять, пережить владельца или дожидаться, пока тот сам принесёт желаемое. Кощей любил спускаться сюда один и перебирать вещи, вспоминая не стоимость — стоимость его

почти не интересовала, — а путь. Особенно тот момент, когда невозможное переставало быть невозможным.

Вот чаша, из которой пил царь, проживший один день после собственной коронации. Вот гребень русалки, выменянный у неё на голос человека, которого она любила. Вот крошечная костяная пуговица, совершенно невзрачная и без капли магии. Ради неё Кощей однажды начал войну между двумя княжествами. Ему просто сказали, что он её не получит. Особое место занимала стеклянная коробка на отдельном постаменте. Внутри лежало перо — серое, чуть длиннее ладони, с тонкой серебристой полосой вдоль стержня. Оно принадлежало птице, которая прилетала в мир раз в сто лет и никогда не садилась на землю: почуяв погоню, она поднималась выше облаков и исчезала до следующего века.

Кощей ждал её триста лет. В первый раз он поставил ловушку — птица улетела. Во второй попытался остановить время — птица улетела. В третий не сделал ничего. Просто лёг на вершине голой скалы и пролежал там трое суток, без огня, без еды, под дождём. Птица прилетела сама и села рядом. Почистила перья, посмотрела на него круглым чёрным глазом и улетела, а на камне осталось одно перо. Кощей поднял его только через час.

Иногда самое трудное — не взять, а дожидаться, пока отдадут. Когда-то эта история казалась ему доказательством собственного терпения. Сегодня почему-то раздражала. Удовольствие не пришло ни в первом зале, ни во втором. Кощей остановился возле пустого участка стены между двумя витринами, где хватило бы места для ещё одного постаamenta, и долго смотрел на пустоту. И впервые мысль, которую он так старательно раскладывал на энергию, привычку, самолюбие и прочие удобные составляющие, предстала перед ним в неприятно простой форме. Яги здесь не было. Она не лежала за семью замками, не стояла под стеклом, не принадлежала ему. Более того — прекрасно себя чувствовала и пила кофе. Кощей медленно повернулся к лестнице, словно сквозь семь дверей, каменные стены, море и огромное расстояние всё ещё мог разглядеть женщину на ступеньках старой Избушки. Потом его взгляд вернулся к пустому месту. Нет. Так не годилось. С этим нужно было что-то делать.

Глава 2. Одно яблоко

Яга проснулась рано. Не потому, что выпалась: просто за месяц после возвращения организм окончательно вспомнил, что здесь утро начинается не тогда, когда ты решил открыть глаза, а тогда, когда так решил лес. Лес решил в половине седьмого.

Сначала где-то за Избушкой принялась возмущаться сорока. Потом по крыше пробежало что-то мелкое и когтистое, с яблони сорвалось несколько листьев, один прилип к окну, и Избушка, которой это почему-то не понравилось, встряхнулась всем корпусом. Яга открыла один глаз.

— Да встала я.

Избушка перестала трястись. Через десять минут Яга уже сидела на крыльце с большой кружкой кофе, закутавшись в тёплую кофту и сунув босые ноги в старые сапоги. Телефон она положила рядом на ступеньку — по привычке, которую сама не заметила, как завела.

Утро было из тех, за которые осени прощаешь всё, что она сделает потом. Небо стояло высокое, ещё по-летнему голубое, но свет уже изменился: он больше не заливал всё подряд, а ложился осторожно, золотистыми полосами — на ступени крыльца, на мокрую после ночи траву, на верхушки сосен. Между стволами висела тонкая белая дымка. Пахло прелой листвой, сырой землёй, грибами и далёким дымом: кто-то в деревне уже растопил печь. За месяц лес заметно пожелтел, а Яга успела снова привыкнуть к дому и окончательно понять, что в гостях, конечно, хорошо. Особенно когда гости живут далеко. Никто не спрашивал, чем она намерена заняться сегодня, никто не предлагал осмотреть очередную редкость и не возникал бесшумно за спиной с видом человека, случайно проходившего мимо, хотя до ближайшего «мимо» было три этажа и два крыла дома. Яга отпила кофе и с удовольствием вытянула ноги.

Во дворе было неприбрано. Прекрасно. За лето сад разросся так, будто отсутствие хозяйки воспринял как отмену всех законов. Трава поднялась почти до колен, малина полезла туда, где ей никто не разрешал, смородина расплзлась вширь, а у забора вырос огромный

лопух, явно считавший себя полноправным владельцем участка. Яга смотрела на всё это без малейшего желания наводить порядок. Успеется. До зимы далеко. Она медленно обвела взглядом сад, вернулась взглядом к самому крыльцу и вдруг остановилась. Даже кружку от губ отвела.

— Это когда ты успела?

Яблонька слева от крыльца, разумеется, не ответила. Яга помнила её совсем другой. Когда-то давно — насколько давно, она теперь и сама не могла сказать — на лесной ярмарке зарядил дождь. Торговцы попрятались под навесы, и только старик-лесовик так и остался сидеть на краю, под открытым небом. Обычный с виду: борода клочьями, шапка в репьях, на плечах армяк такой древности, что в нём, пожалуй, ещё прадед этого лесовика по грибы ходил. Перед ним на мокрой рогоже лежали пучки трав, и никто их не брал. Яге стало его жалко. Травы ей были не так уж нужны, но она скупила всё, до последнего пучка, чтобы дед мог наконец уйти под крышу. Старик спрятал деньги за пазуху, порылся в мешке и протянул ей тонкий прутик с тремя листьями и корнем в мокрой тряпице. Денег за него не взял. Сказал только, что дереву нужно хорошее место.

Пришлось посадить. Первые годы яблоня выглядела так, будто глубоко сожалела о своём появлении на свет: росла нехотя, зимой обмерзала, весной подолгу приходила в себя, а однажды Избушка чуть на неё не наступила, разворачиваясь к лесу задом. Яга была уверена, что она и сейчас примерно такая же. А дерево оказалось ей уже выше головы. Ствол окреп, ветки раскинулись, листья желтели и понемногу облетали, открывая крону. И на одной из верхних веток висело яблоко. Единственное.

Яга поставила кружку на ступеньку и спустилась к ней. Яблоко было удивительно красивое: крупное, круглое, с красным боком и тонкой золотистой кожицей там, куда попадало солнце. Ни червоточины, ни пятнышка. Вокруг уже лежали опавшие листья, ночами несколько раз прихватывало заморозком, а оно висело. Она привстала на носки, почти коснулась его пальцами — и передумала.

Красивое. Пусть висит. Сорвать всегда успеется.

Яга вернулась на крыльцо и ещё некоторое время смотрела на яблоню. Странно всё-таки: она совершенно не помнила, когда та успела так вырасти. Впрочем, в последнее время вокруг вообще слишком многое происходило без её разрешения.

Она усмехнулась, сделала глоток — и почувствовала это снова. Взгляд?

Ощущение было настолько отчётливым, что по спине медленно прошёл холодок. Так бывает в лесу, когда идёшь одна и вдруг понимаешь, что между деревьями кто-то есть: ещё ничего не видишь и не слышишь, но кожа уже знает раньше тебя. Яга медленно повернула голову. Двор был пуст, у калитки никого, между соснами тоже. Избушка смотрела на неё окном, но это не считалось. Яга дошла до края крыльца и внимательно оглядела лес. Тишина, только где-то далеко стучал дятел. Показалось. Наверное. Через минуту она забыла. Почти.

Сорока вылетела из-за сосен так, словно за ней гнались кредиторы, сделала круг над двором и приземлилась прямо на перила. В клюве у неё был свежий «Трындерь». Сорока выпустила газету перед Ягой и принялась переминаясь с лапы на лапу в ожидании благодарности. Яга пошарила в кармане кофты, нашла одну семечку и положила на перила. Сорока посмотрела на семечку, потом на Ягу, потом снова на семечку и возмущённо стрекотнула.

— Инфляция, — развела руками Яга.

Сорока явно была другого мнения, но семечку взяла.

Газета ещё пахла типографской краской, хотя Яга предпочитала не задумываться, где в их районе находится типография и кто там работает. На первой странице огромными буквами кричало: «ОСЕННЯЯ ЯРМАРКА! НЕ ПРОПУСТИТЕ!» Ниже, мельче, обещали дары осени, праздник урожая и земледельцев со всего района, а может, даже области. А в самом низу, в

рамочке, стояло: «КОНКУРС НА ЛУЧШУЮ ПОДЕЛКУ ИЗ ТЫКВЫ К САМАЙНУ! ПОБЕДИТЕЛЯ ЖДЁТ ПРИЗ!» Приз? Вот это уже было интереснее.

Самайн приближался, а тыквы в этом году уродились сами, пока хозяйки не было: одна подпирала покосившуюся лавку, вторая лежала в сарае, третья выросла прямо у забора, и Яга подозревала, что без Кикиморы тут не обошлось. Она перевернула газету, пытаясь выяснить, что за приз. Не написано. Разумеется. Поделка из тыквы — ерунда, в крайнем случае можно что-нибудь вырезать. Хотя если взяться всем пятничным бабским Вечем...

Мысль не успела оформиться: со стороны леса затрещали кусты. Кто-то ломился напрямик, совершенно не признавая существования тропинки. Яга даже головы не повернула — так по лесу ходила только одна особа. Калитка распахнулась, и во двор влетела Кикимора с точно такой же газетой в руке.

— Видела?!

Яга молча подняла свою.

— И чего сидишь? Там конкурс!

— Вижу.

— С призом!

— Тоже вижу.

Кикимора взлетела на крыльцо, плюхнулась рядом и выхватила у Яги газету, хотя в другой руке держала свою. Выяснив, что у Яги в сарае есть тыква, и притом большая, она горестно сообщила, что её собственная кривая, и получила в ответ сочувственный глоток кофе. Несколько минут Кикимора изучала условия, шевеля губами.

— Вдвоём нам не справиться, — объявила она наконец. — Мы не знаем, что делать.

— Это обычно никому не мешало.

Кикимора посмотрела на неё с осуждением. Вопрос, которого пять минут назад вообще не существовало, на глазах приобретал государственную важность. Яга это выражение знала: покоя сегодня уже не будет.

— Вечером кумушки придут, — сказала она.

Кикимора просияла, и на этом всё решилось. К вечеру предстояло собрать Пятничное вече и определить, что можно сделать с одной большой тыквой, несколькими взрослыми женщинами, избытком воображения и совершенно неизвестным призом. Сочетание было опасное. Яга отобрала у Кикиморы свою газету, поставила остывшую кружку на ступеньку и посмотрела на яблоньку у крыльца. На верхней ветке золотился красный бок. Яблоко всё ещё висело.

Глава 3. Главный приз

К вечеру большая тыква стояла посреди стола, а вокруг неё заседало Пятничное вече. За годы своего существования Вече решало вопросы самые разные: от личных до общественных, от срочных до тех, что вполне могли подождать ещё лет сто, но почему-то обсуждались немедленно. Здесь разбирали мужчин, детей, соседей, цены, урожай, чужие свадьбы, собственные ошибки и чужие, которые были значительно интереснее собственных, — и вообще всё, о чём женщина может сказать «мне вообще всё равно», а потом говорить сорок минут. Сегодня обсуждали тыкву.

Поначалу всё шло спокойно. Марья Моревна предложила карету, Елена Прекрасная — дворец. Кикимора хотела болотницу, но объяснить, что это такое, так и не смогла: после нескольких попыток выяснилось только, что у болотницы должны быть волосы из мха, глаза из желудей и «вот здесь красиво». Василиса Премудрая предложила для начала прочесть условия конкурса. Её проигнорировали. Яга принесла нож. Через час от тыквы отрезали верх, через два вынули середину, через три никто уже не помнил, что собирались делать. Зато на столе появились маринованные грибы.

Началось всё невинно. Кикимора принесла баночку на пробу: в этом году она положила в рассол не обычный хрен, а болотный и хотела знать, чувствуется ли разница. Разница чувствовалась. Для чистоты эксперимента пришлось открыть вторую банку. А Василиса достала из сумки свёрток с домашним сыром и на вопрос, зачем она вообще носит с собой сыр, ответила, что, в отличие от некоторых, умеет готовиться к заседаниям. Когда тыкву окончательно отодвинули на край стола, этого никто даже не заметил. К полуночи в ней были вырезаны одна дверь, два окна разного размера и нечто, что Кикимора упорно называла башенкой. Утром выяснилось, что башенка больше похожа на бородавку. Её срезали.

Следующая пятница прошла примерно так же, и следующая за ней тоже. Подготовка к ярмарке неожиданно оказалась делом чрезвычайно гастрономическим. Каждая считала своим долгом принести что-нибудь из заготовок, а пробовать полагалось вдумчиво — иначе как понять, класть ли в следующий раз больше чеснока, меньше уксуса, менять ли смородиновый лист на вишнёвый и действительно ли три ложки сахара лучше двух. На двух ложках мнения расходились. Приходилось пробовать ещё. Яга тоже не отставала: у неё в этом году особенно удалась брусника с мёдом, и просто сообщить об этом было недостаточно — человек должен был сам понять масштаб успеха.

Тыква тем временем приобретала форму. Сначала из неё всё-таки сделали дом, потом решили, что обычным домом никого не удивишь, и приделали крыльцо. Крыльцо не держалось, и Яга закрепила его деревянными шпильками. Кикимора добавила мох, Елена — занавески, Марья принесла крошечную метлу. Василиса долго смотрела на сооружение, а потом молча вырезала из тонкой дощечки маленькую табличку. На вопрос, что она собирается на ней написать, ответила, что ничего. На вопрос, зачем тогда табличка, сказала: «Для композиции». Это объяснение удовлетворило всех. В итоге получился тыквенный домик ведьмы с кривыми окошками, мшистой крышей, маленьким крыльцом и дорожкой из семечек. Особой художественной ценности он, возможно, не представлял, но характер имел — особенно после того, как Кикимора случайно прожгла свечой одно окно и его пришлось сделать ещё кривее. Так стало даже лучше.

Осенняя ярмарка раскинулась на огромном поле за деревней. Уже с дороги было слышно музыку, голоса и мычание чего-то крупного и явно недовольного. Народу собралось столько, будто урожай в этом году снимали исключительно ради возможности показать его всем вместе. На прилавках лежали мёд, грибы, орехи, караваи и корнеплоды совершенно неприлич-

ных размеров; один мужчина стоял рядом со свёклой величиной с детскую ванночку и принимал поздравления так, словно лично её родил. Чуть дальше торговали корзинами, свечами, деревянными ложками и амулетами от всего сразу, а за отдельной оградой держали живность. Оттуда и мычало.

— Это точно из одной тыквы?

Василиса наклонилась поближе.

— Из семи.

Яга успокоилась. Их домик поставили под номером двадцать три, и оставалось только ждать. Ждать Вече не умело, поэтому пошло по ярмарке. Василиса купила книгу, Яга попробовала медовуху у знакомого пасечника, чтобы не обижать человека, а через час все почему-то сидели за длинным деревянным столом, и только Василиса продолжала утверждать, что не голодна, аккуратно доедая второй пирожок. Объявление результатов чуть не пропустили — на площадь пришлось бежать. Председатель жюри, маленький круглый мужчина с тыквенным листом в бороде, долго говорил о традициях, творческом начале и необычайно высоком уровне участников. Кикимора шёпотом сообщила, что они не выиграли, она это чувствует. Яга напомнила, что пять минут назад Кикимора чувствовала, что пирожок с капустой, а он оказался с мясом.

— Это другое, — отрезала Кикимора.

Третье место занял дракон, второе — семитыквенный корабль. Кикимора перестала дышать.

Первое место получил номер двадцать три.

Несколько секунд Вече молчало, потом Кикимора завизжала. Через минуту они уже стояли перед сценой, принимали поздравления и пытались понять, где приз. На столе его не было, под столом тоже. Председатель сиял.

— Главный приз нашей осенней ярмарки!

Он широко повёл рукой в сторону загона, и оттуда вывели козу — небольшую, белую с серыми пятнами, с аккуратными рожками и удивительно осмысленным взглядом. Коза посмотрела на победительниц, победительницы — на козу. Толпа хлопала.

— Аська! — торжественно объявил председатель.

Коза дёрнула ухом. Первой на Кикимору посмотрела Яга, следом — Марья и Елена. Василиса ничего не сказала, но посмотрела тоже. Кикимора отступила на шаг.

— Почему сразу я?!

Вопрос был справедливый, и ответ на него тоже. Коза одна, и Кикимора одна. У Марьи и Елены своя жизнь, Василиса в помощи не нуждалась, а у Яги имелась Избушка, которая к появлению на подворье ещё одного самостоятельного существа могла отнестись без энтузиазма. Кикимора же жила на болоте, хозяйство у неё было небольшое, денег — ещё меньше, а коза давала молоко. При хорошем раскладе из молока получались сметана, творог и сыр. При плохом — всё равно молоко.

— Полезная скотина, — заметила Яга.

Кикимора и Аська посмотрели друг на друга. Между ними явно происходило что-то личное.

— Она меня не любит.

Коза шагнула вперёд и попыталась съесть край её юбки.

— Видишь?!

— Очень любит, — сказала Василиса.

На том судьба главного приза и решилась. С ярмарки возвращались медленно: все устали, объелись и были совершенно довольны собой. Впереди шла Кикимора и вела Аську на верёвке. Точнее, первые метров сто вела Кикимора. Потом Аська решила, что направление ей не нравится, и следующие двести метров уже Аська вела Кикимору. Яга шла позади и смотрела, как

подруга, упираясь каблуками в землю, исчезает за поворотом вслед за своим призом. Ярмарка удалась.

Глава 4. Новая версия

Фиолетовый гриб не хотел умирать. Кощей обнаружил это случайно. Принеся находку из ведьминога леса, он положил её в стеклянный контейнер, снял образцы, сделал несколько срезов и оставил остаток на металлическом столе до утра. Утром срезы заросли.

К полудню восстановилась ножка, а к вечеру гриб выглядел так, будто над ним никто никогда не издевался.

Кощей заинтересовался, и интерес пришёлся кстати. Последние недели любое занятие, способное удержать мысли хотя бы несколько часов подряд, приобретало особую ценность.

Лабораторию он оборудовал в одном из нижних помещений. Подвал подходил для этого прекрасно: постоянная температура, толстые стены, никакого солнца и никого, кто мог бы войти без разрешения и спросить, чем он тут занимается. Гриб поселился под стеклом. Кощей резал его, сушил, замораживал, нагревал, растворял в кислотах и однажды сжёг почти до угля. Гриб восстанавливался. После кислоты ему понадобилось шесть часов, после огня — девять. Кощей записывал результаты. Это было ново, это требовало внимания и почти помогло. Почти. Стоило отойти от стола, как на краю сознания немедленно появлялась Яга. Иногда лицо, иногда голос, а иногда совершенно бессмысленная мелочь: как она собирала волосы обеими руками, зажав шпильку зубами; как морщилась, пробуя слишком горячий кофе; как однажды прошла босиком через весь зал, потому что натёрла ноги новыми туфлями и отказалась терпеть «ради красоты». Кощей злился, и гриб после этого подвергался особенно жестоким опытам. Гриб терпел. В этом отношении он был значительно удобнее Яги.

Спал Кошей всё меньше, ел, когда вспоминал, а вспоминал редко. На третьей неделе он решил отдохнуть. Именно отдохнуть, а не отвлечься: отвлекаться ему было не от чего.

Коробка от КолобЭка лежала нераспечатанной уже который месяц — огромная, белая, с серебристой надписью NEW VISION и строчкой помельче: «Новый взгляд. Разработано в ПанамЭрике».

Подарки КолобЭка Кошей принимал настороженно. Предыдущим был электронный помощник, который первые два дня исправно управлял освещением, на третий заказал восемнадцать ящиков минеральной воды, а на четвёртый решил, что хозяин недостаточно двигается, и отказался открывать дверь спальни, пока тот не сделает десять тысяч шагов. Помощник закончил существование в море.

Очки выглядели безобидно. В коробке лежали две пары и инструкция толщиной с небольшую летопись. Инструкцию Кошей отложил: он никогда не читал инструкций, пока что-нибудь не переставало работать. Очки оказались лёгкими, и стоило их надеть, как перед глазами вспыхнуло: «КУДА ВЫ ХОТИТЕ ОТПРАВИТЬСЯ?»

— Париж, — подумав, сказал Кошей.

Подвал исчез. Он стоял посреди вечерней площади: шли люди, горели огни, откуда-то тянуло кофе и выпечкой. Всё выглядело настолько настоящим, что Кошей машинально посторонился, когда прямо на него пошла женщина с собакой. Женщина прошла сквозь него. Кошей нахмурился. Собака оглянулась.

Через несколько минут он разобрался. Можно было выбрать эпоху, место, погоду, время суток, количество людей и даже степень их внимания к посетителю — оказаться в древнем Риме, на дне моря, в дворцовом зале или в городе, которого никогда не существовало. Можно было пригласить партнера. Для этого и предназначалась вторая пара.

Кошей сменил Париж на Венецию, Венецию на пустыню, пустыню на палубу корабля посреди океана и в конце концов оказался на террасе над тёплым морем. Через час ему стало скучно. Красота, в которой некого удивить, быстро теряет смысл. Он снял очки. Под стеклом рос фиолетовый гриб. Кошей посмотрел на вторую пару и почему-то представил Ягу: как она сначала не доверяет, потом понимает, начинает вертеть головой и наверняка требует показать ей что-нибудь такое, чего она никогда не видела. Он бы показал. Мест хватило бы. Кошей медленно закрыл коробку. Это он уже проходил. Она не захотела остаться в настоящем доме — с чего бы ей остаться в ненастоящем мире? Вторая пара так и осталась лежать в коробке.

Через два дня он снова включил зеркало. Только на минуту, проверить.

В Белолесье была пятница, и в Избушке заседало Вече. Кошей долго не мог понять, что там происходит. Посреди стола стояла тыква с вырезанными окнами, но на неё никто не смотрел. Смотрели на банки. Кикимора размахивала вилок с грибом и что-то доказывала. Василиса отрезала себе сыра. Яга смеялась.

Кошей выключил зеркало. Через час включил снова — они всё ещё ели. К полуночи любопытство победило окончательно, и он придвинулся ближе.

Яга вдруг перестала смеяться, повернула голову и посмотрела прямо туда, откуда смотрел он. На этот раз дольше. Кошей не шевельнулся. Яга медленно оглядела комнату и что-то сказала остальным — он не расслышал: изображение зеркало передавало куда лучше звука. Потом она снова посмотрела в его сторону, и Кошей выключил связь.

Слишком быстро. Он понял это сразу. Несколько секунд в зеркале отражалось его собственное лицо.

— Она не может чувствовать, — сказал он отражению.

Отражение промолчало.

На следующий вечер Яга сидела за столом одна и читала. Кошей смотрел на неё почти полчаса. В какой-то момент она подняла голову — не резко, просто перестала читать, — провела ладонью по затылку, будто туда потянуло холодом, встала и подошла к окну. Кошей впер-

вые подумал, что связь, возможно, работает в обе стороны сильнее, чем предполагалось. Мысль следовало изучить. Вместо этого он продолжал смотреть.

Яга постояла у окна, вглядываясь в темноту, и решительно задёрнула занавеску — от того, кто, как ей казалось, смотрит с улицы. Кошей смотрел не с улицы.

Потом она задула свечу и ушла в другую комнату, и зеркало показало только темноту. Кошей мог выключить зеркало, но не выключил и погасил его, только когда стало очевидно, что Яга не вернётся. И понял, что злится. На темноту, которая его даже не касалась. Это было уже совсем плохо.

Зеркальницу Кошей начал делать на следующий день. Разумеется, не потому, что ему нужна была Яга: этот вопрос он давно для себя закрыл. Ему требовался эксперимент — именно так он сформулировал задачу. Автономная зеркальная сущность считалась магией высшей сложности: отражение должно было не просто повторять человека, а существовать независимо от оригинала — говорить, двигаться, думать, помнить. Кошей давно хотел попробовать. То, что прототипом стала Яга, было чистой случайностью. У него просто имелось много материала: изображения, голос, наблюдения, память.

Он заказал огромное зеркало в раме чёрного дерева, без единого украшения. Стекло отливали отдельно, с серебром, ртутью и несколькими веществами, о которых мастеру знать было необязательно. Зеркало установили в пустой комнате западного крыла, почти во всю стену. Три дня Кошей наносил знаки на обратную сторону, ещё два готовил состав для стекла и за всё это время ни разу не лёг.

На шестую ночь зеркало перестало отражать комнату. Стекло помутнело, в глубине появилась тень, потом очертания женщины — светлые волосы, плечи, лицо, — и НеЯга открыла глаза. Сходство было безупречным: те же черты, тот же разрез глаз, те же губы и линия подбородка. Даже волосы лежали почти так же. Женщина по ту сторону стекла посмотрела на него.

— Ну?

Кошей невольно улыбнулся. Голос тоже получился. Почти. Он подошёл ближе, и она подошла тоже — не повторила движение, а именно подошла, сама. Кошей поднял руку. Зер-

кальница свою не подняла. Хорошо. Очень хорошо. Он коснулся стекла ладонью, поверхность дрогнула, как вода, и Кощей шагнул внутрь. Холода не было. На мгновение исчезло ощущение веса, а потом он оказался в другой комнате — почти такой же и всё же неправильной. Дверь находилась не с той стороны, окна смотрели туда, где в настоящем доме была стена, огонь в камине горел, но не грел. Зеркальница стояла перед ним, и теперь их не разделяло стекло. Кощей медленно обошёл её. Она позволила. Он остановился напротив и долго смотрел ей в лицо, пока не понял, что не так. Глаза. У Яги взгляд никогда не стоял на месте. Даже когда она молчала, в нём что-то происходило: оценка, насмешка, раздражение, интерес, готовность сказать гадость и удовольствие от того, что пока не сказала. Здесь было пусто. Красиво, спокойно и холодно. Кощей коснулся её щеки. Зеркальница не отстранилась.

— Ты меня сделал, — сказала она. — Значит, я твоя.

Фраза была правильной. Именно такой, какую он должен был хотеть услышать. Почему-то она не доставила никакого удовольствия. Кощей убрал руку и вышел из зеркала — для него граница раскрылась сразу. Обернувшись, он велел Зеркальнице выйти, и стекло пропустило её тоже.

Теперь следовало проверить вторую часть. Для опыта привели одного из слуг — живого, здорового и достаточно хорошо оплачиваемого, чтобы не задавать лишних вопросов. Кощей велел ему войти в зеркало. Слуга вошёл, через несколько секунд попытался вернуться, и стекло его не пропустило. Он бил ладонями по поверхности — безрезультатно. Кощей наблюдал. Именно этого он и ожидал: живое обратно не выпускалось. Сам он проходил границу свободно — смерть давно имела к нему весьма условное отношение. Зеркальница тоже: она принадлежала самому зеркалу. Кощей сделал несколько записей и кивнул ей. Зеркальница коснулась стекла изнутри, поверхность дрогнула, и слуга вывалился в комнату, бледный и мокрый от пота. Значит, выпустить она могла. Сама. Если захочет. Это было даже интереснее, чем предполагалось.

Отпустив слугу, Кощей остался перед зеркалом один. Зеркальница смотрела на него лицом Яги — идеальная, послушная, доступная. Её можно было оставить здесь, и она останется. Можно позвать, и она придёт. Можно войти, и она будет ждать. Именно этого он хотел. Разве нет? Зеркальница улыбнулась. Улыбка тоже была похожа. Только Яга, улыбаясь ему так, обычно что-нибудь замышляла. Эта — нет.

Кощей отвернулся. Эксперимент был успешным. Безусловно. Он уже взялся за ручку двери, когда в голове мелькнула совершенно посторонняя мысль. Зеркало не выпускало живых.

Он постоял, глядя на ручку, потом медленно обернулся. Зеркальница всё ещё стояла за стеклом. Кощей ничего не сказал, только посмотрел на неё немного иначе. Он пока не знал, зачем ему может понадобиться эта особенность. Но за долгую жизнь усвоил одну простую вещь. Хороший инструмент не обязан сразу иметь назначение. Достаточно знать, что он у тебя есть.

Глава 5. Помолвки

К Йолю Белолесье замело. Снег ложился с конца осени, подтаивал и ложился снова, пока не лёг всерьёз — по окна Избушки, по пояс в лесу, с синими тенями на сугробах и такой тишиной, что слышно было, как с ветки осыпается снег. Дни стали короткими: солнце, казалось, только заглядывало проверить, всё ли на месте, и сразу уходило обратно.

Яблоко держалось. Яга заметила это дня за три до праздника, когда вышла утром на крыльцо вытряхнуть скатерть и машинально подняла глаза на яблоньку слева от ступенек. Листьев на ней давно не осталось, на ветках лежал снег, и красный бок одиноко светился среди белого. Яга подошла и потрогала: твёрдое, холодное, ни пятнышка. Мороз его будто не касался. Она уже хотела его сорвать, но почему-то передумала. Теперь стало интересно. Пусть висит. Посмотрим, сколько продержится.

На этом Яга о нём снова забыла, потому что к Йолю следовало готовить дом, стол и себя, причём последнее традиционно откладывалось до тех пор, пока первое и второе не будут готовы. К вечеру Избушка пахла так, что лесное зверьё обходило её стороной, чтобы не расстраиваться.

Бабоньки начали собираться засветло. Первой, как всегда вовремя, пришла Василиса — с корзиной в одной руке и бутылкой тёмного вина в другой.

— Я же сказала ничего не приносить.

— Поэтому я принесла немного.

В корзине лежало еды на три дня. Следом появились Елена и Марья, а последней прибежала Кикимора — запыхавшаяся, растрёпанная — и сообщила, что её не отпускала Аська. Она вышла — коза за ней. Она козу вернула и закрыла — коза вылезла в окно.

— Коза? В окно?

— Окно низкое, — мрачно сказала Кикимора и тяжело опустилась на лавку.

Жизнь с главным призом осенней ярмарки оказалась насыщенной. За несколько недель Аська успела съесть две наволочки, половину веника, рукав старой кофты, угол мешка с мукой и какие-то бумаги, которые Кикимора собиралась отнести в управу. Последнее, впрочем, оказалось даже полезным: в управу теперь можно было не ходить. На вопрос, даёт ли коза хотя бы молоко, Кикимора подумала и ответила, что даёт, но с характером. Уточнять, у кого именно характер — у молока или у Аски, никто не стал. Йоль всё-таки был не про коз.

Стемнело рано — самая длинная ночь в году ждать не любила. Яга торжественно уложила в очаг йольское полено — большой дубовый чурбан, который она ещё осенью сама выбрала в лесу. Гореть ему полагалось всю самую длинную ночь, а уголёк потом хранили до следующего Йоля, чтобы от него же и разжечь новое.

Потом Яга зажгла свечи на окнах, у двери и на столе. Свет лёг на лица, на тарелки, на тёмное стекло бутылок. Лес за окнами растворился в ночи, и Избушка словно отделилась от всего остального мира. Кумушки притихли. Йоль всегда начинался с тишины: так было заведено давно, задолго до них и до тех, кто жил здесь раньше. В самую длинную ночь полагалось проводить уходящий год, поблагодарить его за то, что он дал, и дожидаться, когда солнце повернёт на весну. Яга подняла чашу, каждая подумала о своём, и праздник начался.

Через полчаса от торжественности не осталось ничего. Так тоже было заведено давно. Говорили обо всём: о ярмарке, о председателе жюри, который после конкурса выпытывал у Елены рецепт пирога, об Аське, забравшейся на крышу сарая (как — до сих пор никто не понял), о соседях, погоде и ценах. Между делом Кикимора сообщила, что Тихон опять поправил Яге калитку: пришёл на рассвете, пока все спали, и ушёл, не дождавшись спасибо. Яга пожалала плечами. Калитка и правда перестала скрипеть, а она даже не заметила. Разговор покатился дальше и на мужчинах задержался. Это было неизбежно.

Кикимора, которой в этой части разговора предъявить было нечего, занимала позицию независимого эксперта и потому рассуждала особенно уверенно. Мужика, по её мнению, главное было сразу приучить. На вопрос Марьи, к чему именно, конкретного ответа у неё не нашлось, и она сказала: «Ко всему».

— Сначала заведи одного, — посоветовала Василиса, отрезая себе ещё утки. — Потом приучай.

Кикимора обиделась ровно настолько, чтобы положить себе грибов. Елена весь вечер сидела непривычно тихо. Яга заметила это давно: последние недели с Еленой происходило что-то подозрительное. Она чаще смотрела в телефон, иногда улыбалась сама себе, дважды ушла с пятничных посиделок раньше обычного и однажды отказалась остаться ночевать, хотя на улице мела метель. Марья сегодня тоже была какая-то не такая — слишком спокойная, и это настораживало ещё больше. Яга посмотрела на одну, потом на другую.

— Ну? Выкладывайте, ради чего вы обе весь вечер сидите, как две кошки, наевшиеся сметаны.

Кикимора немедленно перестала жевать, Василиса отложила вилку. Елена и Марья сделали невинные лица, и получилось это плохо у обеих. Они переглянулись и вдруг рассмеялись.

— Давай ты, — сказала Елена.

— Нет уж. Вместе.

— Мы выходим замуж!

Тишина длилась примерно секунду. Потом Кикимора заорала так, что Избушка присела, и дальше всё смешалось. Кто-то вскочил, кто-то полез обниматься через стол, кто-то опрокинул бокал. Яга успела поймать бутылку, но не тарелку с солёными грибами. Грибы спасла Василиса. Когда первый шум улегся, выяснилось главное. Марья Моревна выходила за Добромира, Елена Прекрасная — за Матвея. Предложения им сделали с разницей в три дня, и, обнаружив это, подруги решили молчать до Йоля, чтобы объявить одновременно. Кикимора потрясённо спросила, как можно было три дня молчать. Марья ответила, что лично она молчала две недели, и Кикимора прижала руку к груди: такого подвига она себе даже представить не могла.

Яга обняла сначала Марью, потом Елену. За Елену она была особенно рада. Матвей ей нравился, и вовсе не потому, что художник, красавец и умеет говорить приятные вещи так, будто не выучил их заранее. Нравилось другое: рядом с Еленой он не пытался казаться больше, чем был. Редкое мужское качество. Добромир подходил Марье иначе. Там было ощущение, что встретились два человека, каждый из которых всю жизнь прекрасно справлялся сам, а потом вдруг обнаружил, что вдвоём не сподручнее.

Выпили, потом ещё раз, а потом Кикимора заявила, что свадьбы надо играть вместе. Оказалось, именно это невесты и собирались предложить: все остальные всё равно становились подружками. С этого момента Йоль окончательно закончился и началось свадебное совещание. Первым вопросом была дата. Почти сразу возникла Остара: весна, равноденствие, начало нового, очень символично. Василиса поддержала, Марья была не против, Елена задумалась, и Яга уже почти согласилась, когда Кикимора сказала:

— Холодно. Ночью-то. Платья красивые, а сверху что? Шубу?

Аргумент оказался весомым. Тогда появился Белтайн — тепло, зелень, костры и майское дерево. Праздновать можно на улице и ночью не замёрзнуть, а цветы будут настоящие, а не те, которые за три дня до праздника заставляют распускаться магией, а потом делают вид, что так и было. Белтайн победил быстро.

А вот на платьях подружек выяснилось, что до сих пор обсуждались простые вопросы. Совет Премудрых и Прекрасных раскололся мгновенно. Елена хотела светлое, Марья — чтобы не маркое, Кикимора считала, что ей идёт зелёный, Василиса напомнила, что зелёный зелёному рознь. Яга заявила, что одинаковых платьев не будет, Елена возразила, что их никто и не предлагал, а Кикимора сообщила, что одинаковые, между прочим, красиво. Через двадцать

минут спорили все. Через сорок открыли интернет. Через три часа у каждой было сохранено вариантов по сорок, и ни один не устраивал остальных. О самой свадьбе уже никто не говорил — говорили о рукавах. Оказалось, рукава способны испортить человеку жизнь. Особенно три четверти. Ближе к полуночи на столе как-то сами собой снова оказались утка, пирог и печёные яблоки. Василиса посмотрела на стол.

— Мы опять едим.

Все на секунду замерли, посмотрели на еду, потом на неё.

— Йоль, — сказала Яга.

Этого объяснения оказалось достаточно.

После Йоля поиск платьев превратился в отдельную форму жизни. Каждую пятницу Вече собиралось у Яги, но теперь между тарелками на столе стоял ноутбук. Платья находились сотнями — длинные и короткие, с рукавами и без, а иногда с такими вырезами, что Кикимора однажды долго рассматривала фотографию и наконец спросила, где тут, собственно, платье. Одни отвергались сразу, другие попадали в избранное, третьи нравились ночью и переставали нравиться утром. Постепенно определились с фасонами, потом с цветами, потом снова с фасонами. Белтайн был ещё далеко, так что никто не торопился: платья выбирались медленно, а пироги — быстро.

К февралю Кикимора обнаружила, что любимая кофта села после стирки, хотя стирала она её ещё летом. Марья застегнула ремень на дырочку дальше и решила, что кожа села от сырости. Елена стала носить волосы распущенными, потому что так «лицо смотрится уже». А сапоги у Яги застёгивались теперь с таким усилием, будто сопротивлялись из принципа. Однажды после ужина Яга поймала себя на том, что расстегнула верхнюю пуговицу на юбке. Не потому, что тесно, — просто так удобнее. Она даже не обратила на это внимания. До Белтайна оставалось ещё больше четырёх месяцев.

Глава 6. КОЩЕПИК

Фиолетовый гриб всё-таки оказался полезен. До этого момента Кощей относился к нему скорее как к занятой аномалии. Способность восстанавливаться сама по себе представляла интерес, но за долгую жизнь он повидал достаточно существ, которые отращивали хвосты, конечности, головы, а в отдельных особо неприятных случаях и целиком себя. Мир был полон вещей, не желавших умирать, и Кощей относился к ним с некоторым профессиональным уважением.

Гриб отличался скоростью восстановления. Сначала Кощей проверял его на растительных тканях, потом перешёл к животным, и выяснилось, что повреждённые клетки под действием вытяжки не просто восстанавливаются, а заменяются новыми. Причём новые выглядели моложе тех, чьё место занимали. Это было уже интересно. Кощей повторил опыт, потом

ещё раз. Результат не менялся. К концу недели стены лаборатории были исписаны расчётами, на столах стояли колбы с вытяжками разной концентрации, а гриб продолжал жить под стеклом, равнодушный к тому, что его режут на части по несколько раз в день. Кощей почти перестал включать зеркало. Не совсем, но теперь мог не включать его до вечера. Работа требовала точности, а точность всегда хорошо действовала на голову. Здесь всё подчинялось понятным законам: если результат не совпадал с ожидаемым, менялась концентрация, если гибли клетки, уменьшалась доза, если начинался неконтролируемый рост, добавлялся стабилизатор.

Через две недели формула была готова. Кощей рассматривал через лупу небольшую капсулу с едва заметным фиолетовым отливом. Вещество внутри должно было ускорять клеточное обновление, восстанавливать ткани и, если расчёты верны, запускать молодильную трансформацию организма.

Оставалось придумать название, и с этим Кощей провозился дольше, чем с последней формулой. Варианты выходили либо слишком научными, либо слишком длинными: один звучал как средство от запора, второй — как дешёвый крем, третий Кощей даже записывать не стал. Потом он посмотрел на собственное имя, и вопрос решился сам. КОЩЕПИК. Коротко, запоминается и сразу понятно, кому принадлежит.

Первую пробную партию он отправил в ПанамЭрику. КолобЭк ответил через сутки сообщением из трёх слов и двенадцати восклицательных знаков, а потом позвонил лично. Через неделю Кощепик хотели все.

Испытания в ПанамЭрике шли с той скоростью, с какой там вообще происходит всё, что сулит большие деньги. Первые добровольцы демонстрировали гладкую кожу, густые волосы, исчезнувшие морщины и такую бодрость, что один мужчина после курса зачем-то пробежал марафон, хотя до этого двадцать лет ездил до соседнего магазина на машине. Фотографии разлетелись мгновенно, за ними пошли отзывы, за отзывами — очередь. К концу месяца Кощей обнаружил, что владеет продуктом, которого ещё почти не существует, но который уже пытаются купить оптом.

Реклама добралась даже до него. На кухне стоял утюг, и Кощей понятия не имел, кто его туда поставил. Это был самый обычный чугунный утюг, тяжёлый, с деревянной ручкой, — только кто-то приладил к нему антенну и шкалу с надписями:

«НОВОСТИ», «ОЧЕНЬ ВАЖНО», «СРОЧНО» и «ВСЕМ СЛУШАТЬ»

Гладить им, судя по всему, никто не собирался. Последнюю частоту отключить было нельзя.

Именно из утюга однажды утром, когда Кощей пил кофе, бодрый голос сообщил населению, что старость и ожирение отныне — исключительно вопрос неправильного выбора, и следующие несколько минут рассказывал о Кощепике. Кощей слушал с удовольствием. Особенно ему понравилось место про революционный клеточный комплекс. Никакого комплекса он не создавал, но звучало убедительно. Реклама закончилась обещанием вернуть человеку «того себя, которого он заслуживает».

Кощей усмехнулся и посмотрел на вторую чашку. Он снова налил две. Это случалось всё реже, но случалось.

Работа помогала, пока он работал. ПанамЭрика, деньги, формулы и восторженные сообщения КолобЭка занимали голову, но Ягу не вытеснили. Она просто отступила куда-то вглубь и ждала, а стоило остановиться — возвращалась. Кощей начал хуже спать, потом снова забывал есть. Иногда ловил себя на том, что стоит в малой библиотеке перед зеркалом, совершенно не помня, зачем пришёл. Однажды он включил зеркало среди ночи. В Белолесье было темно, и в комнате Яги зеркало различало только край одеяла и руку поверх него. Кощей смотрел на этот край почти двадцать минут, после чего признал, что научные методы проблему не решили. Требовались ненаучные.

К Свентовиту он пошёл вечером и никаких жертв не нёс. Кощей вообще плохо относился к необходимости приносить что-либо существам, которые и без того должны быть благодарны за сам факт его визита.

Ведьмин лес встретил его тишиной. Воздух здесь был другим — влажным, густым, пахнущим мхом, старым деревом и морем. Тропинка несколько раз пропадала под корнями и возникала снова, хотя Кощей прекрасно знал, что шёл прямо. Свентовит стоял там же, где всегда: старый почерневший столб с ликами, смотрящими в разные стороны, мох у основания, лишайник на боку. Ни золота, ни камня, ни того величия, которое Кощей считал приличным для божества. И всё же лес вокруг него был слишком тих.

Объяснять пришлось долго. Кощей начал с того, что ему требуется женщина, потом уточнил какая, потом счёл формулировку недостаточно точной и пояснил, что женщина уже испытывала к нему определённый интерес, но в силу характера не способна объективно оценить преимущества предлагаемого союза. Свентовит молчал. Кощей перешёл к энергетической совместимости, затем к бессмертию, затем к тому, что Яге с ним было бы значительно лучше, если бы она перестала упрямяться и поняла очевидное. Лес слушал. Кощей говорил всё раздражённое.

Наконец дерево тихо скрипнуло.

— Не по Сеньке шапка.

Где-то высоко в ветвях пролетела птица. Свентовит больше ничего не сказал.

Сначала у Кощей побелели пальцы, потом дёрнулся глаз. То, что произошло дальше, было не лучшим поступком в его жизни, но и далеко не худшим. Он обхватил древний столб обеими руками и рванул.

Столб сидел в земле глубоко, намертво, будто за века врос в неё сам. Земля задрожала, где-то в лесу с деревьев посыпались листья. Кощей рванул ещё раз, и основание столба вышло из земли с тяжёлым влажным чавканьем, выворачивая за собой камни и дёрн. Через несколько минут он уже тащил Свентовита к утёсу. Столб оказался неожиданно тяжёлым — возможно, боги нарочно делали себя такими, чтобы их было труднее выбрасывать. У края Кощей остановился. Внизу шумело море.

— Не по Сеньке, значит?!!

Свентовит молчал. Кощей столкнул его вниз. Столб несколько раз ударился о камни и исчез в воде.

Стало тихо. Кощей постоял над обрывом, но легче не стало. Наоборот: теперь к тоске добавилось ощущение, что он только что проиграл спор деревянному столбу. Куда он пошёл после этого, Кощей не знал. Просто шёл вдоль обрыва, не разбирая дороги. Лес кончился почти сразу, и понял он, где находится, только когда увидел Новодел.

Идол возвышался над площадкой Карконы — отполированный, свежий и такой старательно древний, что от одного взгляда сводило зубы. Настоящий Свентовит веками стоял в лесу и никому ничего не доказывал, а этот всем своим видом требовал восхищения. Злиться сил уже не осталось. Кощей опустился у основания идола и прикрыл глаза. Ситуация становилась унижительной. Он, Кощей Бессмертный, создатель Кощепика, владелец половины редкостей этого мира и ещё нескольких, о которых миру знать не следовало, сидел у дешёвой копии древнего бога из-за женщины, которая в эту минуту, скорее всего, пила кофе и радовалась жизни. Без него.

Камень за спиной потеплел. Кощей открыл глаза. Раньше лицо идола было обращено немного в сторону. Теперь оно смотрело вниз, на него.

— Я могу помочь.

Голос оказался неприятным — слишком гладкий для бога. Кощей медленно поднялся и ничего не ответил. Новодел предложил сделку. Ему требовалось украшение, не символическое, а настоящее: серебро по всей поверхности и золото на деталях, чтобы издалека было видно, кто здесь главный. Кощей слушал и впервые за много недель чувствовал настоящий интерес. Цена была смешной, особенно если помощь окажется настоящей. Он согласился. У подножия идола что-то блеснуло. На камне стоял маленький пузырёк с густой ядовито-зелёной жидкостью, и даже сквозь стекло от неё шло слабое тепло. Приворот.

Не дешёвая деревенская дрянь, от которой человек три дня ходит за первым встречным, а потом неделю блюёт лопухами, а старый и сильный, из тех, что не убеждают и не соблазняют. Такой меняет направление воли. Кощей долго смотрел на пузырёк. Вот оно. Просто. И проверено веками. Условие тоже имелось, и всего одно. От Яги не требовалось ни выпить добровольно, ни полюбить, ни согласиться — только самой, по собственной воле, взять зелье из рук Кощей. Остальное зелье сделает само.

Кощей сжал пузырёк в ладони. Впервые за долгое время мир снова выглядел разумно устроенным. Оставалось придумать, как заставить Ягу добровольно взять то, чего она ни за что не взяла бы, знай она, что держит в руках.

Домой он шёл медленно — не от усталости, а потому что думал. Где-то далеко за морем очередной утюг бодрым голосом рассказывал слушателям о чудесном препарате, возвращающем молодость. Кощей этого не слышал. А зря: ответ он уже создал своими руками.

Глава 7. Катастрофа века

К Масленице зима надоела всем. Даже лесу.

Снег лежал уже не праздничный, белый и пушистый, а старый и плотный, с серыми корками у дорог и глубокими провалами между деревьями. Днём с крыши начинало капать, ночью всё снова схватывалось, и по утрам Избушка выходила со двора осторожно, высоко поднимая ноги и недовольно стряхивая с когтей ледяные комья. Весна чувствовалась, но не торопилась. Поэтому Масленицу решили праздновать как следует. У Яги с утра пеклись блины, и к полудню их стало столько, что Василиса, пришедшая последней, посмотрела на стол с выражением человека, заранее понимающего, чем всё это закончится.

За зиму такое случалось не впервые. Пятничные посиделки давно стали привычкой, и к поискам свадебных платьев постепенно добавилась ещё одна традиция: каждая приносила что-нибудь вкусное. Иногда приносили все одновременно, и тогда субботнее утро начиналось с обещаний больше никогда столько не есть. К вечеру обещания забывались, а к следующей пятнице забывался и сам факт обещаний. Яга не видела в этом ничего страшного. Зима для того и существует, чтобы есть горячее, носить свободное и не задавать организму лишних вопросов.

Платья были заказаны давно. Выбирали их почти месяц, спорили о цветах, рукавах, длине и ткани, потом снова о цветах, и в конце концов остановились на разных фасонах в одной гамме — чтобы каждая выглядела собой, а не частью почётного караула. Мерки сняли ещё в начале зимы, и вопрос считался закрытым. До тех пор, пока в последний день Масленицы у калитки не остановилась повозка. Возница выгрузил большую коробку с эмблемой свадебной

мастерской, сверился с бумагой и уехал. Блины были забыты. Даже Кикимора отложила тот, который уже собиралась свернуть трубочкой.

Коробку открывали торжественно. Первым появилось платье Елены, потом Марьи, следом — три платья подружек. Ткань оказалась даже лучше, чем на фотографиях, — мягкая, тяжёлая, красиво ложилась в складки, и с цветом попали точно. Все немедленно бросились мерить. Невесты ушли со своими платьями в соседнюю комнату, Яга и Кикимора разобрали свои. Василиса своё отложила, сказав, что до Белтайна ещё далеко, и открыла книгу.

Через несколько минут в доме стало подозрительно тихо.

Яга стояла перед зеркалом и смотрела на молнию. Молния находилась примерно в семи сантиметрах от того места, где ей полагалось находиться. Яга втянула живот. Расстояние уменьшилось, но ненамного. Она выдохнула и ещё раз посмотрела на платье, потом на себя. Платье было правильное. Это раздражало особенно.

— Яга! — донеслось из-за стены. — Иди сюда!

— Сама иди.

— Не могу!

Кикимора стояла посреди комнаты спиной к Василисе, которую вызвали в качестве свидетеля. Платье сидело на ней до талии вполне прилично, а ниже расходилось так, словно между двумя половинами спины возник принципиальный конфликт. У Марьи дела обстояли немного лучше, но только потому, что она и не пыталась застегнуться до конца. Елена вышла последней, посмотрела на остальных, и все посмотрели на неё.

— У тебя тоже?

Елена молча повернулась спиной. Некоторое время никто не говорил. Мерки снимали в начале зимы по их собственным фигурам. Значит, объяснений могло быть только два: либо мастерская за зиму уменьшила четыре платья, либо зима увеличила четырёх женщин. Первый вариант нравился значительно больше. Кикимора немедленно за него ухватилась и минут пять доказывала, что ткань могла сесть при хранении. Никто не спросил, как ткань умудрилась сесть до первой стирки, и какое-то время теория держалась. Потом Яга достала сантиметр, и теория умерла.

Мерили по очереди: талию, бёдра, грудь, а потом зачем-то руки. Когда Кикимора предложила измерить шею, Василиса оторвалась от книги.

— Зачем?

— Для общей картины.

— Картина уже общая.

За зиму общая картина действительно стала шире, причём у каждой по-своему. У Яги изменения поселились в основном на животе и бёдрах. Марья обнаружила, что её безупречные брюки подозрительно обтягивают ноги. У Елены округлилось всё сразу, что ей даже шло бы, если бы не свадебное платье. Кикимора заявила, что грудь у неё всегда была такая, и потребовала не записывать лишнего. После размеров перешли к лицам, и это было ошибкой. При дневном свете обнаружилось, что зимнее меню оставило следы не только на талиях. У Яги у подбородка сидел прыщ, который она до сих пор считала случайностью. У Кикиморы нашлось сразу два. Марья пожаловалась, что кожа стала жирной и серой, а Елена долго рассматривала себя в зеркале и молча отодвинула оставшийся блин.

— Мы толстые, — трагически сообщила Кикимора.

— Вы сытые, — поправила Василиса.

Разница никого не утешила. До Белтайна оставалось чуть больше двух месяцев, и эта цифра мгновенно превратила примерку в чрезвычайное положение. Елена заплакала первой, Кикимора — громче всех, Марья держалась минуты три, а Яга сказала, что плакать не будет, и заплакала от злости. Василиса молча принесла платки.

Но сначала всё-таки доели блины. Выбрасывать еду грешно.

К вечеру на столе стоял ноутбук, а вокруг него — четыре заплаканные, но решительные женщины. Василиса сидела у печки с книгой и в спасательной операции участия не принимала. Интернет знал всё. Особенно хорошо он знал, как за две недели исправить то, что человек делал с собой всю зиму.

— Чакры, — объявила Елена, развернув экран. — Тут написано, что лишний вес — это закрытая чакра. Энергия застаивается и откладывается на бёдрах.

— Какая чакра?

— Сейчас... Вторая. Или третья. Они тут все разноцветные.

— А открыть её как?

— Встать босиком, поднять руки и представить, как через макушку входит поток.

Встали. Подняли. Представили. Поток не входил. Зато Избушка, обнаружив за окном четырёх неподвижных женщин с воздетыми руками, подошла поближе и долго наблюдала, склонившись набок.

— У меня входит, — неуверенно сказала Кикимора.

— Куда?

— В левую ногу. Кажется, я её отсидела.

Чакры признали ненадёжными.

— Вот! — Марья ткнула в экран. — Счастливая ходьба. Тай-чи-шаг. Идёшь медленно, как журавль, и испытываешь радость. Радость сжигает жир.

— А если радости нет?

— Её надо испытывать. Тут так и написано: «испытывайте радость».

— А сидя можно испытывать?

— Нельзя. Сидя — это другая радость, от неё полнеют.

Прошлись по комнате журавлями. Кикимора сбила локтем кувшин и испытала совсем другое чувство.

— А виброплатформа? — Елена уже листала дальше. — Смотрите, женщина стоит на трясущейся доске и улыбается. Двадцать минут в день, и никаких усилий.

— Раз улыбается, значит, работает.

— Или её трясёт уже неделю, и она не может слезть.

Заказали. Следом нашёлся пояс, который сам сокращал мышцы живота без участия владельца, — заказали два. Потом в корзину легли массажные ролики, резинки, мячи, коврик с иглами, щётка для сухого массажа и аппарат, назначение которого никто толком не понял, но отзывы у него были отличные. Яга посмотрела на сумму и часть удалила. Кикимора вернула.

— Бабоньки, вы всё не то ищете, — вдруг сказала Марья тоном человека, которому открылась истина. — Баня. Русская баня. Лучше русской бани средства нет. Засесть часа на два в сауна-костюмах, чтоб пропотеть как следует, — и всё уйдёт с потом.

— Точно! Тут женщина пишет: жир выходит через пот. Вот фотография, она в плёнке.

— Жир через пот не выходит, — сказала Василиса, не поднимая головы.

— Откуда ты знаешь?

— Из анатомии.

— А она говорит, выходит.

— Тогда зачем вам я?

Возразить было трудно. Но женщина в плёнке выглядела очень уверенной, а бани у Яги не было.

— Сарай есть, — сказала Яга.

Все посмотрели на неё. Потом друг на друга.

— А в сарае, — медленно произнесла Кикимора, — можно сделать всё.

Совет Премудрых и Прекрасных постановил: в сарае будет спа и тренажёрный зал. Голосовали единогласно. Василиса воздержалась.

К следующей пятнице сарай было не узнать. В одном углу стояла виброплатформа, в другом лежали коврики, на стене висели резинки, старая бочка превратилась в купель для холодных обливаний, а рядом стояла вторая, для горячей воды. Посреди сарая Яга поставила лавку. Кикимора принесла из дома таз, Елена — ароматические масла, Марья — весы. Василиса принесла книгу, устроилась у окна, завернулась в шаль и с интересом наблюдала, как остальные надевают поверх одежды костюмы для сауны.

Костюмы оказались серебристыми. Четыре взрослые женщины выглядели так, будто собирались не худеть, а высаживаться на неизвестную планету.

— Маленький шаг для женщины, — сказала Василиса, — и огромный для платья.

Первой на виброплатформу встала Кикимора. Платформа загудела, Кикимора затряслась. Сначала ей понравилось, через минуту перестало, через две она потребовала выключить. Сойдя, Кикимора некоторое время стояла, держась за стену, и прислушивалась к себе.

— Ну? — спросила Яга.

— Есть хочется.

Потом была баня. Горячая вода, серебристые костюмы и закрытая дверь. Через двадцать минут в сарае стало душно, через тридцать Елена сняла шапку, через сорок Марья заявила, что если красота требует именно таких жертв, она готова немного поступиться красотой. Яга держалась дольше всех исключительно из упрямства, а потом сорвала серебристую куртку и распахнула дверь. В сарай ворвался морозный воздух, и все застонали от счастья.

— Очень эффективно, — заметила Василиса.

В неё полетело полотенце.

Так прошла первая неделя. На второй добавились приседания и утренняя ходьба: Кикимора приходила к Яге затемно, и они отправлялись по лесной дороге быстрым шагом, пока не начинали ненавидеть природу, весну, Белтайн и того, кто придумал свадебные фотографии. Вечером хотелось есть сильнее обычного, поэтому пятничные посиделки никто не отменял. Просто теперь пирог ели после тренировки, в награду. Василиса наблюдала за всем этим с устойчивым интересом исследователя, которому выпала редкая возможность изучать коллективное помешательство в естественной среде. Своё платье она так и не примерила.

К концу второй недели кумушки пришли к выводу, что действуют недостаточно системно, и тут Кикимора нашла сайт «ЯГОДКА СНОВА». Название понравилось всем. Сайт был розовый, и на главной странице женщина неопределимого возраста улыбалась так счастливо, будто уже похудела за всех посетителей сразу. Ассортимент оказался огромным: чаи, пластыри, сыворотки, капсулы, напитки для очищения, напитки для наполнения и напитки для очищения после наполнения. Отдельно продавался набор «ВЕСЕННЕЕ ПЕРЕРОЖДЕНИЕ».

Кикимора прочитала описание дважды. Яга придвинулась ближе, Елена тоже, Марья открыла отзывы. Василиса подняла глаза от книги, посмотрела на четыре головы, склонившиеся над экраном, и вернулась к чтению. Через десять минут был оформлен большой заказ — на всех, кроме Василисы. Она отказалась категорически и больше к этому вопросу не возвращалась.

Пока остальные обсуждали сроки доставки и прикидывали, сколько именно килограммов разумно потерять за оставшееся до Белтайна время, Василиса дочитала страницу, заложила книгу пальцем и посмотрела на стол. Там стояла пустая тарелка из-под пирога, а рядом лежали четыре телефона с открытым сайтом «ЯГОДКА СНОВА».

В углу сарая поблёскивали серебристые костюмы, под лавкой прятались массажные ролики, у стены ждала своего часа виброплатформа, а посреди всего этого великолепия стояли весы — единственный предмет, которому за последние недели никто не верил. Василиса вздохнула и снова открыла книгу.

Бабоньки были настроены решительно. До Белтайна оставалось всё меньше времени, а худеть они собирались всё быстрее.

Глава 8. А моя...

Матвей пришёл к Тихону из-за рамы — большой, резной, заказанной для портрета. Одно крепление у неё оказалось перекошено. Матвей попытался исправить сам и вовремя остановился: художник должен знать пределы своего таланта. Свои Матвей знал и потому принёс железную скобу человеку, который разговаривал с металлом куда лучше него.

Тихон посмотрел на скобу, разогрел, выправил двумя ударами и сунул в воду. На этом дело Матвея в кузнице закончилось, но уходить он почему-то не стал. Устроился на старом табурете у стены и смотрел, как Тихон работает. В кузнице было тепло, сухо и хорошо пахло углём. Снаружи подтаивал снег и мерно капало с крыши, а здесь всё оставалось простым и понятным: железо нагреть, ударить где нужно, остудить — и оно становилось тем, чем должно было стать.

Вскоре заглянул Гаврила — сказал, что встретил Матвея по дороге и решил составить компанию, хотя Матвей пришёл сюда час назад. Последним явился Добромир. Он вообще шёл мимо. По крайней мере, так он сказал. Тихон ничего не спросил, поставил чайник на край горна и вернулся к наковальне. Через пять минут в кузнице сидели четверо мужчин, трое из которых не имели там никаких дел. Сначала говорили о пустяках: о дороге у деревни, которую опять развезло, о ценах на лес, о чьей-то крыше, не пережившей снег. Матвей рассказал про заказчика, который потребовал сделать ему на портрете глаза «поинтеллектуальнее», а позировать для этого отказался. Посмеялись. Тихон разлил чай по разномастным кружкам, нашёл где-то сухари, и Добромир, повертев сухарь в пальцах, вздохнул так тяжело, что все на него посмотрели.

— А моя вчера плакала из-за картошки.

Молот замер в воздухе.

— Из-за чего? — уточнил Гаврила.

— Из-за картошки. Сварила мне, села напротив с листом салата. Я ем, она смотрит. Потом говорит: «Картошка пахнет». Я говорю: «Конечно пахнет, она с укропом». И всё. Слёзы.

Матвей кивнул с пониманием человека, которому наконец встретился товарищ по несчастью.

— А моя позавчера пирог испекла.

— Повезло, — с завистью сказал Добромир.

— Мне — да. Она его не ела. Два часа возилась с тестом, яблоки, корица, достала из печи румяный — и села напротив пить воду. Я сначала ел осторожно, потом медленнее, потом совсем перестал.

Невозможно наслаждаться пирогом, когда любимая женщина следит за каждым куском с лицом мученицы, добровольно взошедшей на костёр. Зависть у Добромира прошла. Он повернулся к Гавриле.

— А твоя?

— Читает.

— И всё?

— Иногда говорит.

— Что?

Гаврила подумал.

— В основном «я предупреждала».

Это было очень похоже на Василису. В спасении собственной внешности она не участвовала, зато последние недели наблюдала спасение остальных и возвращалась от Яги с видом человека, которого несколько часов подряд заставляли присутствовать при опыте над здравым смыслом. Дома она зачитывала Гавриле выдержки из статей, которые находили кумушки, и объясняла, почему это не работает. Ко второй неделе Гаврила перестал понимать, кто именно худеет.

— А моя, — сказал Добромир, и стало ясно, что его прорвало, — встаёт затемно и ходит по дороге быстрым шагом. Меня позвала. Я честно прошёл с ней шесть вёрст. Выяснилось, что рядом со мной идти нельзя: у меня шаг длинный, я ей темп сбиваю. На завтра она ушла одна. И вернулась злая.

— На что?

— На то, что я не пошёл.

Матвей засмеялся первым, и Добромир мрачно на него посмотрел.

— Смейся. Твоя что делает?

Матвей перестал смеяться.

— Моя считает еду. Не деньги на еду, а саму еду. Ложки каши, орехи, кусочки сыра. Позавчера ночью захожу на кухню — стоит с половиной булочки. Увидела меня, спрятала булочку за спину. Я сделал вид, что не заметил. Утром она на меня обиделась.

— За что?

— За отсутствие поддержки.

— А поддержать как надо было?

— Не знаю. Я теперь после девяти на кухню не хожу. Мало ли кого там встречу.

Разговор понесло. Выяснилось, что у каждого накопилось. Елена завела тетрадку, куда записывала всё съеденное, и однажды записала туда яблоко, которое только понюхала. Марья повесила на дверь кладовой замок и отдала ключ Добромиру с наказом не давать ни при каких обстоятельствах, а в полночь пришла и потребовала ключ как законная хозяйка. Добромир ключ не отдал. Теперь он спал с ним на диване в зале. А потом Матвей описал серебристые

костюмы. Он видел их собственными глазами, а Добромир не поверил, и пришлось описывать подробно. Минут пять после этого никто не мог говорить нормально.

— Чего ржёте? — наконец спросил Тихон.

Матвей вытер глаза.

— Ты их не видел. Баб наших. В сарае. Четыре серебряные женщины...

И снова сорвался. Тихон покачал головой и вернулся к работе. Он не понимал. Совсем. Ягу он видел недавно, мельком, у лавки. Она шла с Кикиморой, несла какие-то свёртки и что-то сердито рассказывала. Волосы выбились из-под платка, щёки покраснелись от мороза, под длинной кофтой фигуры было почти не видно. Тихон потом полдня это вспоминал. Чего ей там спасать, он не представлял. А ещё раньше она забежала в кузницу со сломанной защёлкой от сарая, положила на верстак и убежала, крикнув, что у них тренировка. Тихон хотел спросить какая, но не успел. Судя по лицам остальных, с ними происходило то же самое. Никто не считал своих женщин испортившимися. Добромиру нравилась Марья вся — и нарядная, и босиком по дому, с волосами, собранными на затылке. Матвей смотрел на Елену так, будто художники придуманы природой исключительно затем, чтобы однажды нарисовать именно её. Гаврила о Василисе говорил редко, но рядом с ней становился таким спокойным, что объяснений не требовалось.

А женщины зачем-то объявили войну самим себе.

Мужики поняли это одновременно. Смешное в разговоре осталось, но под ним обнаружилось другое: им правда не нравилось происходящее. Беда была не в лишних килограммах и не в платьях, а в том, что их женщины перестали нормально есть, злились, мучили себя и всерьёз считали это необходимым. Добромир первым сказал, что с этим надо что-то делать. Предложений не было. Матвей посоветовал просто сказать им, что они и так красивые, но трое мужчин посмотрели на него с такой жалостью, что он сам признал идею плохой. Гаврила добавил, что Василиса это уже говорила. Вариант был похоронен окончательно. Устраиваясь поудобнее, Добромир задел локтем старый утюг. Тот стоял на полке среди инструментов неизвестно сколько лет: Тихон изредка слушал по нему новости, но чаще использовал как подставку под банку с гвоздями. Банка качнулась, Добромир её поймал, и утюг ожил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.